

О возвращении КВЖД Сталин задумался только в 1943 г., приняв решение вступить в войну против Японии. Прикидывая годом позже, чем бы задобрить Москву, дабы удержать ее от этого шага, японские дипломаты рассматривали отказ от дороги как один из возможных вариантов. О ЮМЖД речи, разумеется, не было, но в 1945 г. Сталин решил забрать и ее. Советско-китайское соглашение от 14 августа 1945 г. объявило КВЖД (получившую официальное название Китайская Чанчуньская железная дорога), включая бывшую Южную ветку, т. е. ЮМЖД, собственностью СССР и Китая, которая будет эксплуатироваться совместно Обществом с правлением в Чанчуне исключительно в коммерческих целях. Соглашение было заключено на 30 лет, после чего, т. е. в 1975 г., дорога безвозмездно передавалась Китаю.

Произошло это гораздо быстрее – 31 декабря 1952 г. Отношения Москвы с Гоминьданом становились все хуже и переросли в открытую вражду с началом полномасштабной войны Мао Цзэдуна против Чан Кайши. Провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской народной республики коммунисты закрепили свою победу, которая была бы невозможна без советской помощи. 14 февраля 1950 г. в Кремле были подписаны новые двусторонние документы, отменившие все договора и соглашения 1945 г. и решившие судьбу КЧЖД. Современные историки трактуют этот поступок Сталина как «беспрецедентную в международных отношениях уступчивость»⁴³. Режим перехода дороги к КНР был определен в коммюнике от 15 сентября 1952 г., а в последний день того же года в Харбине был подписан Заключительный протокол о ее передаче. В благодарственной телеграмме советскому руководству Мао Цзэдун говорил об «огромном вкладе Советского Союза в дело железнодорожного строительства в Китае». Однако надеждам Сталина на то, что теперь «русский с китайцем – братья навек», не суждено было оправдаться.

Колониальная Корея в зеркале секретных изданий японского генерал-губернаторства (1920–1945 гг.)

Л. В. Овчинникова

Даже в научных исследованиях историка возможно такое понятие, как подарок судьбы. Вдруг оказывается, что случайное приобретение потом станет поистине сокровищем для будущих изысканий. Моя родственница, Ф. И. Куликова-Шабшина с 1940 по 1946 г. провела (с небольшим перерывом) в Сеуле, где ее супруг был вице-консулом СССР. В драматические дни, когда завершилась вторая мировая война, советский дипломат приобрел через букиниста чемодан сброшюрованных в книгу текстов на японском языке, от которых спешил избавиться какой-то чиновник колониальной администрации. Эти документы были привезены в Москву, и чемодан с бумагами несколько десятилетий пролежал на антресолях. Оказалось, что большая их часть – секретные архивы японских спецслужб.

Ф. И. Куликова-Шабшина первая среди отечественных корейстов исследовала некоторые закрытые издания японского генерал-губернаторства, архивы тайной полиции. Она приводила отдельные данные из них в своих книгах «Очерки новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее».

Однако без знания японского языка работать ей с этими материалами было трудно. И она передала содержание заветного чемодана автору этих строк. Вполне очевидно, какую огромную ценность представляют эти архивы для историков-востоковедов. Ведь они, словно зеркало, отражают как деятельность японских колониальных властей, так и настроения корейской общественности, ее отношение к японскому колониальному господству, проливают свет на многие вопросы национально-освободительной борьбы.

Отечественная ориенталистика создала немало трудов по этому периоду. Но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего переосмысления. Положение осложнялось тем, что долгое время советские корейцы были вынуждены следовать в своих трудах за официальной историографией КНДР. Она же, как известно, в угоду культу личности Ким Ир Сена, националистической доктрины «чучхе» искажала исторические факты, особенно касающиеся рассматриваемого двадцатилетия. В ней было много негативного, в частности, безымянность, отсутствие сведений о лидерах, участниках антияпонской борьбы, тем более, что многие впоследствии оказались жертвами тоталитарного режима КНДР. Образовалось немало «белых пятен», нерасшифрованных страниц колониальной истории страны.

⁴³ Ледовский А. М. Переговоры И. В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г.: новые архивные документы. – Новая и новейшая история. 1997. № 1; Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999, с. 238–252.

В качестве одного из источников по истории колониальной Кореи автор исследует закрытые издания японского генерал-губернаторства. Большая часть таких материалов после капитуляции Японии была уничтожена. Но некоторые из них служащие колониальной администрации припрятали и продали букинистам.

Закрытые материалы японского генерал-губернаторства – материалы полиции, суда, прокуратуры – были изданы в 1920–1945 гг. в Корее на японском языке. Книги содержат большой объем фактического материала периода с конца 1910-х до конца 1930-х годов. Их прагматические, прикладные цели, а также детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность рассматриваемых изданий. Встает вопрос о степени достоверности и объективности данных материалов. Ведь нетрудно догадаться, какими методами полиция добывала сведения у арестованных, многие из которых не выдерживали пыток, давали ложные показания. Поэтому автор счел необходимым в процессе их исследования тщательно сверять все факты с другими материалами. Очевидно, что спецслужбы нередко преувеличивали размах освободительной борьбы, антиколониальных выступлений, дабы завысить свою роль в их подавлении, чтобы получить еще большие ассигнования для своей деятельности.

Исследуемые закрытые японские издания можно классифицировать следующим образом: а) комплексно-аналитические, исследовательские; б) оперативные; в) справочные; г) разные, главным образом обзорные. Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, важные и интересные документы подробнее.

К первой группе автор относит книгу «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» («Сайкин-ни окэру тэсэн дзиан дзёкё», Сеул, 1939 г.). Она написана, как явствует из текста, не только полицейскими чинами, но и учеными, аналитиками. В ней затрагиваются вопросы национально-освободительного движения в Корее, содержатся сведения о леворадикальном крыле этого движения, о лидерах патриотов, их организациях. В книге предприняты попытки периодизации и выяснения особенностей и тенденций развития антиколониальной борьбы. Приводится большой материал о методах ее подавления, о так называемых «идеологических преступлениях», содержатся сводки, таблицы, подробные данные о судебных процессах. В этой книге, как и в других аналитических материалах, дифференцированный подход к антияпонским организациям сводится, в основном, к делению их на два потока: левый, возглавляемый или прямо отождествляемый с коммунистами, и буржуазно-националистический. О последнем говорится гораздо меньше, чем о первом. Особую бдительность авторы рассматриваемой книги проявляют по отношению к проблеме единства действий, связям между этими двумя потоками, изыскивая пути предотвращения создания ими единого фронта. Заслуживают внимания материалы книги о корейских религиозных организациях.

Отдельная глава книги посвящена легальным, ненасильственным формам выступлений корейцев за национальную независимость (участие в парламентских выборах и пр.). Другой раздел – «Об общественном спокойствии» – содержит информацию, указывающую на то, сколь тревожило японскую администрацию состояние умов корейцев, их недовольство политической колониальной властью, а в 30-х годах – развертыванием Японией военных действий в Китае. Чрезвычайные меры борьбы с «опасными элементами», включали не только репрессии, но и создание в колонии различных прояпонских организаций и разложение изнутри патриотических сил.

Основное внимание в книге уделяется леворадикальному крылу патриотических сил, которое рассматривалось колониальной администрацией в качестве влиятельной силы корейской освободительной борьбы. В издании подчеркивается, что деятельностью левого крыла якобы руководила Москва. Вместе с тем, в разделах, посвященных 1930-м годам, указывается на большую роль китайской компартии в партизанской борьбе на территории Маньчжурии, в создании единого антияпонского фронта.

Обширный материал содержится в «Вестниках идеологии» («Сисо ихо»). Автор проанализировал доступные для него выпуски за 1934 г., № 12, 1936 г., № 6, № 12, 1937 г. № 11, 1938 г., № 14, № 16, которые можно отнести к группе оперативных материалов. В них приводятся отчеты прокуратуры Верховного Суда, касающиеся «особо важных идеологических преступлений» в Корее, сводки о судебных делах, об арестах членов подпольных групп, «красных» союзов рабочих, крестьян, интеллигенции, ставивших задачи достижения независимости страны и создания «коммунистического» общества.

Новые материалы можно найти у руководителей и активиста патриотических организаций. В этом издании и других книгах упоминаются такие известные деятели антиколониального движения, как Ким Дубон, У Ёнхён, Пак Хонён и т. д.

В «Вестнике идеологии» говорится и о настроениях корейцев, проживавших в Японии и Китае, об «опасно мыслящих корейцах», связанных с деятельностью газет, журналов, других средств массовой информации. Опубликованы там и обзорные статьи. Они, естественно, имеют прикладное значение, но содержат и элементы анализа. Интересны статьи «Характеристика и особенности развития корейского коммунистического движения», «Новый курс компартии Кореи». Разделы «О деятельности христиан» в выпусках «Вестника» посвящены роли религиозных организаций в борьбе за независимость. Затрагиваются в них и вопросы деятельности ВКП (б), компартий Японии и Китая с точки зрения их влияния на корейских патриотов.

В целом «Состояние общественного спокойствия», являясь как бы комплексным изданием, касается преимущественно общих вопросов корейского национально-освободительного движения; «Вестники идеологии», предназначенные для оперативной информации, раскрывают

механизм действия карательной системы. Они также дают подробный фактический материал о состоянии общественной мысли в Корее, об умонастроениях разных слоев ее населения, о позиции действовавших в стране политических сил.

Следует подчеркнуть также значительную ценность для исследователей секретных справочных изданий: «Корейская полиция» («Тёсэн кэйсацу», Сеул, 1938 г.), и «Словарь тайной полиции» («Кото кэйсацу ёгодзитэн», Сеул, 1935 г.).

В первой книге приводятся данные о числе и характере правонарушений, об арестах во всех провинциях Кореи в 1921–1937 гг., о боевых действиях корейских партизан. Одна из глав, посвященная вопросам обеспечения общественного спокойствия, повествует о национально-освободительной борьбе и ее подавлении полицией и жандармерией за длительный период со времени аннексии страны Японией в 1910 г. Книга выявляет структуру существовавшего в Корее военно-полицейского режима, в частности, системы надзора и сыска, обучения и финансирования аппарата подавления.

Другое справочное издание, «Словарь тайной полиции», является своего рода пособием для службы тайного сыска. В нем приведены данные о наиболее крупных корейских патриотических организациях, дается краткая характеристика каждой из них.

Основное внимание уделено объединениям левой направленности; приведены сведения о ККП, комсомоле, некоторые их документы. Интересен приводимый в «Словаре» понятийный аппарат. Здесь дается объяснение таких терминов, как капитализм, классовая борьба, национализм, социал-демократия, национальная независимость и др. Из книги можно извлечь не только конкретную информацию, но и уяснить трактовку японскими спецслужбами проблем корейского национально-освободительного движения, ситуации в мире в целом.

Отнесенные автором к группе обзорных источники позволяют полнее раскрыть общую обстановку в стране. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тёсэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё», Сеул, 1938 г.), куда входят издания: «Общественные учреждения и мероприятия», «Движение за возрождение корейской деревни», опубликованные под грифом «секретно», «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (под грифом «совершенно секретно») и другие говорят о возросшей роли Северной Кореи в военных планах Японии, о стремлении японцев укрепить свой тыл в период подготовки и ведения войны против СССР, превратить Корею в военно-стратегический плацдарм, а также о большом промышленном строительстве, которое там развернулось. Чрезвычайные меры властей касались обороны, прежде всего противовоздушной, системы охраны важнейших городов, учреждений и транспорта – железнодорожного, морского и воздушного.

Важными представляются и публикации «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси», Сеул, 1935 г.), «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюнэнси», Сеул, 1940 г.), «Обстановка в Корее» («Тёсэн дзидзё», Сеул, 1941 г., 1943 г.) и других материалов, в основном исследованных автором.

Из этих книг исследователи могут почерпнуть сведения не только о ситуации в Корее и подлинном положении народных масс, но и о том, что конкретно было создано Японией в своей колонии, в частности, о создании там инфраструктуры, о промышленном и железнодорожном строительстве, о развитии образования и культуры. Изучение этих книг поможет преодолеть односторонность в общей оценке колониального периода.

Таково в общих чертах содержание исследуемых книг. Учитывая их особый характер, автор по мере возможности, как уже отмечалось, стремился сверять приводимые сведения с другими источниками, в первую очередь, с закрытыми материалами, подготовленными российскими учеными. Это – спецбюллетени для служебного пользования и инициативные записки сектора Кореи Института Востоковедения РАН; архивы А. И. Шабшина (Куликова), который являлся вице-консулом в Сеуле (1939–1946 гг.), а затем заместителем политического советника СССР в Северной Корее (1946–1948 гг.); записи воспоминаний участников антияпонской борьбы, сделанные его супругой Ф. И. Шабшиной (Куликовой), которая жила и работала в Генеральном Консульстве СССР в Сеуле в 40-е годы; использована советская пресса 1920–1930 гг. и многочисленные труды российских историков-корееведов, в наиболее общем виде отраженные в «Истории Кореи».

Повторяемость информации в исследуемых источниках не снижает их значимости, а, наоборот, позволяет при сопоставлении этой информации с другими материалами отсеять сомнительные, противоречивые сведения.

Из пересказа содержания японских секретных материалов видно, что они содержат колоссальный фактический материал по истории корейского национально-освободительного движения. Из этих материалов автор старался выделить наиболее важные сведения. Он стремился исследовать их по возможности всесторонне, освещая основные блоки вопросов, поскольку формат статьи не позволяет представить весь объем информации.

Период конца 10–20-х годов прошлого столетия: ситуация в стране; внутренние и внешние факторы подъема национально-освободительного движения; восстание 1919 г.; реформы колониальных властей; зарождение социалистического движения; создание и деятельность ККП; проблемы и первые ростки единого национального фронта патриотических сил; июньская демонстрация 1926 г.; Шестой конгресс Коминтерна, его новый курс и его влияние на Корею; образование «Синганхве» как организации единого фронта.

Период первой половины 1930-х годов: роль, отводимая японским милитаризмом Корею; левизна и сектантство в корейском освободительном движении, нанесенный ими тяжелый ущерб, отход от действий политики единого фронта совместных действий национальных сил; Шестой конгресс Коминтерна и его левосектантский курс; роспуск «Синганхве»; деятельность «красных» рабочих, крестьянских союзов, тайных обществ; общие изменения в расстановке политических сил и процесс их размежевания.

Период второй половины 1930-х годов: Седьмой конгресс Коминтерна; антиколониальные, антивоенные выступления в стране; партизанское движение; рейды подразделения, возглавляемого Ким Ир Сеном; КПК и корейская партизанская борьба; создание Общества возрождения отечества; его связи с Кореей.

Отдельный блок вопросов касается форм и методов управления в колонии, акций японских властей, направленных на подавление освободительного движения. Хотелось бы раскрыть эту тему подробнее, поскольку исследовалась она отечественными японоведами лишь в небольшой степени.

Остановимся на периоде конца 10-х–20-х годов. Материалы книг «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции» позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период эти методы менялись, трансформировались. После народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ. Об этом свидетельствует специальная секретная публикация штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корею» («Тёсэн содзё дзикё»). Старые методы управления колонией в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Была провозглашена так называемая «эра культурного управления».

Наиболее существенным результатом реформ было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии – укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен «Закон о компаниях», существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления». В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление народу «политических свобод». В соответствии с положением о «свободе печати» разрешался выпуск корейских газет. «Свободу организаций» власти пытались свести к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности курса реформ они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антиколониальной борьбы.

В справочнике «Корейская полиция» содержится материал, касающийся широко разрекламированной реформы «ликвидация жандармерии». В действительности же произошло укрепление и расширение полицейского

корпуса. Это свидетельствовало о том, что главным методом колониального господства остались репрессии. Число полицейских управлений в результате реорганизации в 1921 г. было увеличено по сравнению с 1917 г. на 155%, участков – на 52%, постов – на 36%. По сравнению с периодом до реформ почти на 50% возрос и полицейский корпус¹. В связи с тем, что охрана границы в 1923 г. перешла в ведение полиции, число полицейских увеличилось на 3254 человек и достигло к 1923 г. 20 758 человек². Расширилась и сеть тайной полиции.

Итак, в 1919–1926 гг. Япония была вынуждена пойти на реформы. Хотя это время называли периодом «культурного управления», источники свидетельствуют, что аппарат подавления колониальной администрации был укреплен в еще большей степени и в полную силу продолжал функционировать.

Конец 1920-х – первая половина 1930-х годов – наиболее противоречивый и драматичный период антияпонского движения. С одной стороны, Япония, наращивая милитаризацию и рассматривая Корею как военно-стратегический плацдарм, как базу продвижения на материк, все активнее добивалась спокойствия корейского «тыла». С другой стороны, мировой экономический кризис и военные приготовления Японии привели к дальнейшему ухудшению условий жизни широких слоев населения, обострили их протест. В национально-освободительной борьбе нарастали левизна, сектантство, ультра-революционность в значительной мере вследствие непродуманной экстремистской линии радикальных элементов.

Методы управления и контроля, которые применяла колониальная администрация, показаны в секретных материалах весьма наглядно. Больше всего, судя по материалам, власти беспокоила антиколониальная и антивоенная направленность борьбы. Ультрареволюционный курс радикалов, деятельность так называемых «красных союзов», их лозунги вряд ли воспринимались всерьез, и в значительной мере даже облегчали полиции выявление «опасных элементов». Устраивал японскую администрацию и курс левых, направленный против единства действий с буржуазными националистами. Все же леворадикальное подполье в целом являлось влиятельной силой национально-освободительного движения. Оно делало взрывоопасным корейский тыл, и против него был направлен основной удар репрессий. Наряду с многочисленными арестами предпринимались меры, нацеленные на углубление раскола патриотических сил с помощью самих же корейцев, засылка провокаторов в подпольные организации, инспирирование в них групповой борьбы.

Расширилась сеть тайного сыска. Как следует из материалов, полиция особенно бдительно следила за связями с Москвой, компартиями Китая и Японии.

¹ «Корейская полиция», с.23.

² Там же, с.5–6.

Следует подчеркнуть дифференцированный подход японских властей к разным слоям населения и их настроенности. Так, учитывая настроения крестьян, они с 1932 г. развернули движение «за возрождение деревни», одновременно приняли десятилетний план по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников, а в 1934 г. – «Земельный закон», устанавливающий трехлетний срок аренды. Это были меры, направленные на увеличение числа собственников земли, шагом к успокоению крестьянина. Что же касается рабочих, то колониальные власти тревожили, главным образом, их антиколониальные выступления в военно-промышленных центрах, где наряду с репрессиями применялись и экономические методы умирения.

Властей интересовала и деятельность патриотически настроенной интеллигенции. Стараясь ослабить связи интеллигенции с рабочим и крестьянским движением, с ней заигрывали, всячески гасили ее острую реакцию на национальную дискриминацию.

В рассматриваемое время, судя по материалам источников, японская администрация проявляла осторожность в отношении корейских традиций, проводила «японизацию» осмотрительно, дабы не задеть национальных чувств корейцев.

Материалы позволяют исследователям выявить многообразный арсенал приемов – репрессии, идеологические и другие акции, применяемые на разных этапах управления в Корее. Особый аспект, требующий изучения, – это учет японской колониальной администрацией устойчивости национальных чувств и традиций, известная осторожность, нараставшая по мере расширения антияпонского движения и осуществления милитаристских действий, где Корею, как военно-стратегическому плацдарму, отводилось особое место.

В рассматриваемых материалах содержатся документальные сведения о методах управления и контроля колоний во второй половине 30-х годов, о мерах, предпринимаемых администрацией и ее карательными органами, о результативности этих мер. Главное в этих действиях – строгий учет общей ситуации в стране и в мире, изменений курса и расстановки сил в лагере антияпонской борьбы, ее просчетов, уязвимых точек и соответственно изменение тактики ее подавления. Незменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Но в рассматриваемое время ограничиваться ими становилось все труднее. Была разработана, продумана и приведена в действие система дополнительных приемов. Они включали меры по расколу и разобщению патриотических организаций, по недопущению единого антияпонского, антивоенного фронта, инспирирование и разжигание групповых распрей, насаждение в массах недоверия, подозрительности, настороженности, провоцирование конфликтов между корейцами, японцами и китайцами, широкое распространение круговой поруки через патриотические группы и другие меры. Полиция

усилила преследования за провокационные слухи в связи с войной в Китае; в материалах подчеркивался рост подобных слухов и серьезный вред, который они приносили Японии³.

Японская администрация усилила идеологическую обработку народа. Была создана целая система борьбы с «идеологическими преступлениями» для воздействия на общественное сознание, подрыва влияния антияпонских, антивоенных сил. Была создана сеть новых организаций. Так в 1937 г. была образована «Лига патриотических идей». Особое место в системе управления и контроля в колонии принадлежало «Союзу всеобщей мобилизации духа нации» (1938 г.), ячейки которого (патриотические группы) распространились по всей стране и механически охватывали все население поголовно. В 1939 г. в Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. – 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. человек (учитывались только главы семей)⁴. На «Союз» были возложены комплексные задачи: политические – всемерное содействие осуществлению политики Японии и акциям военного времени; полицейские, точнее сыскные, – выявление «опасных элементов», сомневающихся, колеблющихся и принятие соответствующих мер в отношении этих лиц. Важной сферой деятельности Союза была идеология. Внедрение в общественное сознание идей «величия Японской империи», необходимость всячески содействовать ее победе и т. п. стали буквально частью жизни корейцев. Им усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония – одно целое, одна семья» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде. Из источников можно заключить, что этот лозунг, как и другие методы воздействия на массы, применялся дифференцированно к разным слоям населения.

С подобной целью были созданы еще несколько организаций: «Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом», задачей которой, среди прочих, были всемерный подъем национального духа, и профашистская молодежная группа «Молодежный корпус» («Сэйнэндан»). Создавались различные прояпонские общества, союзы, группы, куда входили представители корейской буржуазии, помещики. Так, в 1939 г. было основано «Общество прогресса Кореи», широко пропагандировавшие идеи единства Кореи и Японии и девиз – «Восемь углов мира под одной крышей». Власть всячески подчеркивали свое отношение к корейцам, как к «собратьям». Внедрялась концепция единства, дружества метрополии с колонией.

В «Состоянии общественного спокойствия...», к примеру, говорится об обществе, созданном в 1934 г. группой национал-реформистов, которые пропагандировали идею: «Япония и Корея – одна семья»⁵.

³ Состояние общественного спокойствия..., с.105.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Учитывая, сколь важную роль в истории Кореи играют религиозные организации, последователи которых были способны расширить возможности единого фронта антиколониальных, антивоенных сил, колониальная администрация приняла в отношении этих организаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического давления. В то же время с конца 1930-х годов религиозные организации настойчиво привлекались к сотрудничеству. «Словарь тайной полиции» содержит на этот счет любопытный материал. В нем сказано, что «после начала японо-китайской войны власти создали представителей 18 буддийских храмов, и было решено оказывать помощь тылу. Согласно указанию генерал-губернаторства, в 31 храме была проведена мобилизация 7 тыс. монахов в помощь тылу»⁶. А ведь 1930–1940-е годы – это время жесткого антагонизма между японскими властями и христианскими миссионерами.

Довольно много материала содержится и о такой организации, как «Общество возрождения отечества» («Чхондогё»). «Хотя общество встало во главе широких народных масс, его последователи настаивали на выполнении народом своих обязанностей...»⁷. Позднее общество было распущено. Источники содержат сведения и об обществе «Чхондун» («Общество друзей Чхондогё»).

Все эти меры оказались даже более результативными, чем об этом писалось в работах советских востоковедов. Многие патриоты в те годы отошли от антияпонской борьбы. В секретных материалах приводятся результаты деятельности властей. «В связи с изменением внешней и внутренней политики стал намечаться отход подпольщиков от своих убеждений. После китайских событий (1937 г.) многие опасные элементы, обладавшие большим практическим опытом работы, осознали свои ошибки и стали отдавать свои силы охране тыла». Но все же подпольная деятельность патриотических сил полностью не прекратилась, и, как пишут источники, «формы ее стали лишь более искусными»⁸. Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаившиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей по поводу того, что «некоторые из них снова нарушали закон об общественном спокойствии. Предотвратить это – наша задача»⁹. Однако окончательно подавить подпольную деятельность патриотических сил колониальные власти были не в состоянии.

Итак, исследуемые материалы помогают сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов

⁶ «Словарь тайной полиции», с. 21–22.

⁷ Там же, с. 63.

⁸ «Состояние общественного спокойствия...», с. 10–12.

⁹ «Вестник идеологии». 1936, № 6, с. 93.

управления и контроля в колонии. Из них следует, что японскими властями тщательно учитывались внешние и внутренние условия, как стимулировавшие, так и ограничивавшие сопротивление масс колониализму и войне. Это касается многих факторов: экономических, политических, психологических, религиозно-этических, уровня массового сознания, черт национального характера, курса руководящих сил разных потоков освободительной борьбы, вообще специфических особенностей Кореи. Необходимо подчеркнуть следующее: хотя во все рассматриваемые периоды главным методом управления являлся сыск и террор, этой же цели служила и созданная японскими колонизаторами мощная идеологическая система, для которой характерна была не только наступательность и жестокость, но и осмотрительность, умение приспособиться к обстоятельствам, особенно в сфере корейских национальных традиций.

Таким образом, «секретные» и «особо секретные» издания японской полиции, суда и прокуратуры представляют значительную ценность для исследования разных аспектов корейской истории колониального периода, прежде всего, освободительного движения, форм, методов и масштабов антияпонского сопротивления. Во всех группах источников – оперативных, комплексно-аналитических, справочных, обзорных – содержится большой банк информации, во многом новой, касающейся массовых народных выступлений, деятельности политических организаций, их направленности и географии. Весьма ценными представляются данные о персоналии освободительного движения, слабо представленной в трудах российских корееведов.

Кроме того, исследуемые издания также дают информацию о ситуации в самой Корее, о социальных, культурных, идеологических процессах, происходящих в этой стране. Они позволяют проследить многие изменения в социальной сфере – становление корейской буржуазии, рост рабочего класса и прочее, – а также оценить формировавшиеся там социально-политические силы.

Рассмотренные нами материалы, разумеется, при критическом их использовании и сопоставлении с другими изданиями, помогают воспроизвести картину колониальной Кореи, восполнить многие «белые пятна» ее историографии. Одновременно они представляют обширную информацию о деятельности колониальных властей, приводят на этот счет многочисленные данные, наглядно показывают формы и методы управления в Корее, особенности колониальной политики Японии в Азии.

Но дело не только в фактах. Своими материалами источники содействуют и переосмыслению, пересмотру некоторых ошибочных трактовок и выводов, способствуют поиску новых оценок.

В целом, характеризуя значение секретных японских изданий как источника исследования колониального периода, автор считает, что с

введением в научный оборот новых, ранее неиспользованных материалов японского генерал-губернаторства в Корею вносится весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований корейской и японской истории 1910–1945 гг.

Список закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корею

1. «Состояние общественного спокойствия в Корею в последнее время» («Сайкин-ни окэру тэсэндзиан дзёкё:»). Сеул, 1939 (секретно).
2. «Вестники идеологии» («Сисо ихо»). 1934, № 12; 1936, № 6; 1937, № 11; 1938, № 14, № 16 (секретно).
3. «Корейская полиция» («Тёсэн кэйсацу»). Сеул, 1938 (секретно).
4. «Словарь тайной полиции» («Кото кэйсацу ёгодзитэн»). Сеул, 1935 (секретно).
5. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тёсэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938.
 - а) «Общественные учреждения и мероприятия» (секретно).
 - б) «Движение за возрождение корейской деревни» (секретно).
 - в) «Внешняя торговля Кореи» (секретно).
 - г) «Промышленные ресурсы Кореи» (секретно).
 - д) «Справочник по бюджету генерал-губернаторства» (секретно).
 - е) «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (совершенно секретно).
 - ж) «Организация сухопутного транспорта» (секретно).
 - з) «Телеграф, почта, радио» (секретно).
6. «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси»). Сеул, 1935.
7. «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюонэнси»). Сеул, 1940.
8. «Обстановка в Корею» («Тёсэн дзидзё»). Сеул, 1941.
9. «Беспорядки в Корею» («Тёсэн содзё дзикё»). Сеул, 1930.
10. «Исследование поселков в Корею» («Тёсэн буракутё тёсахококу»). Сеул, 1924, ч. 1.
11. «Город Сеул» («Кэйдзё фусэй иппан»). Сеул, 1942 г. (секретно).
12. «Ежегодник национального движения в Корею» («Тёсэн миндзоку ундо нэнкан»). Сеул, 1932, (секретно).
13. «Приложение к законам и указам в Корею» («Тёсэн дзикёку канкэй хоки цуйроку»). Сеул, 1941, т. 8 – «Законы и указы в Корею на 1 июля 1941 г.» («Тёсэн Гёсэй гаккай хакко»).

Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здорового смысла

Э. А. Барышев

Говоря о русско-японских отношениях в предреволюционный период невозможно обойти молчанием имя Мотоно Итиро, с января 1906 г. по октябрь 1916 г. представлявшего интересы Японии в России сначала в качестве посланника, а затем – посла. Под всеми важнейшими соглашениями, подписанными в эти годы между правительствами двух стран, можно увидеть его подпись. Имя Мотоно, по отношению к которому тогдашняя периодическая печать употребляла такие эпитеты как «русофил» и «последовательный сторонник русско-японского сближения», было известно в то время каждому образованному человеку не только в России и Японии, но и во многих других странах мира. В прессе начала XX в. о Мотоно говорилось как об одном из главных «виновников» двустороннего сближения¹.

Так ли это было на самом деле? Что это был за человек, о личности которого вообще и его дипломатической деятельности как на посту японского посла, так и на посту министра иностранных дел (он занимал его с ноября 1916 г. по апрель 1918 г.) очень мало говорится не только в отечественной, но и в японской историографии². Какую роль в действительности сыграл этот человек в русско-японском сближении? Какие мотивы и соображения двигали этой незаурядной личностью? Каким политическим капиталом обладал этот дипломат? Обнаруживаются ли во внешнеполитических взглядах Мотоно «русофильские» нотки? В данной статье автор хотел бы рассмотреть процесс становления Мотоно Итиро как личности и дипломата, остановившись подробнее на его дипломатической деятельности, непосредственно предшествовавшей русско-японскому сближению в указанный выше период времени.

¹ Например, см.: Нитиро домэй-рон: Мосукофусукиэ вэдомосу-си сэсэцу (Дискуссия о русско-японском союзе: Передовица газеты «Московские ведомости»). – Гайко дзихо («Дипломатический вестник»). 01.12. 1914 г., № 242, с. 83; Нитиро но татэякуса: Рококу гайму дайджин Сазонофу-си, тюрю нихон тайси Мотоно Итиро (Достопочтимые личности Японии и России: российский министр иностранных дел Сазонов и японский посол в России Мотоно Итиро). – Нитиро дзицугё симпо (Вестник японско-российского предпринимательства). 1916, июль, с. 48–50; Виконт Мотоно. – Приамурские ведомости, 09.08.1916, № 2461.

² Пожалуй, единственным серьезным сочинением о Мотоно является написанная его внуком Мориюки (родился в 1924 г.) история японской дипломатии, рассмотренная через призму дипломатической деятельности четырех поколений рода Мотоно, опубликованная на страницах японского ежемесячника «Гайко форуму» («Дипломатический форум») в 1993–1995 гг. под названием «Нихон гайко сики» («Частные записки о японской дипломатии»).